

Когда Анатолий Фёдорович вышел из леса к остановке, тёплый след автобуса, успеть на который он торопился, давно простыл. Ситуация была ожидаемой. Анатолий Фёдорович малость заплутал в лесу, и обратный путь оказался длиннее, чем планировался. Но была незначительная надежда — вдруг автобус запоздает тоже. Ан нет, автобус ушёл по расписанию. «Вот незадача, — подумал он, — Придётся ждать не менее часа». Однако ничего страшного не произошло. Впереди ещё должно быть два рейса. Жена, конечно, будет волноваться — сейчас темнеет рано, да и сам Анатолий Фёдорович — человек ненадежный, валидол иногда потребляет... Но что делать?

Ещё не дойдя до стандартного железобетонного павильона остановки, Анатолий Фёдорович увидел в нём такого же, как и сам он, грибника-неудачника, а, напротив, на другой стороне неширокого асфальтового полотна шоссе, ещё одного человека. Они переговаривались, и Анатолий Фёдорович услышал, что расписание автобусов изменилось, поэтому будет ещё только один-единственный рейс. А вот время рейса они не знали.

«Ещё один человек» ушёл на свой дачный участок, грибник же оказался внешне знакомым Анатолию Фёдоровичу. Они когда-то работали на одном заводе. Анатолию Фёдоровичу не хотелось вспоминать о том периоде жизни, а за время ожидания автобуса наедине с этим мужчиной наверняка придётся вспомнить — не удастся просидеть час, а может быть и более, молча. Поэтому он не зашёл в павильон остановки, а предпочёл остаться на обочине дороги и после недолгого размышления решил идти в город пешком.

На километровом столбе, который стоял напротив, значилось, что до города 11 км. «Это не так уж много, — подумал Анатолий Фёдорович, — Если идти со скоростью шесть километров в час, то потребуются менее двух часов. А если учесть, что до конечной остановки городского трамвая ближе на пару километров, есть резон вспомнить молодость (в молодости он был лёгок на

ногу). В крайнем случае, если автобус догонит раньше, можно будет на нём же и подъехать».

А вокруг стояла «Унылая пора! Очей очарованье!..» Анатолий Фёдорович шёл тёплым осенним вечером по дороге районного значения, и его сердце радовалось «прощальной красе» природы. Он уже давно заметил, что чем старше сам становится, тем больше ему нравится осень. Ему казалось, что он изнутри понимает это время года. В его представлении осень — это женщина, увы, уже пенсионного возраста, поэтому, чтобы привлечь к себе внимание, приходится ей надевать дорогие наряды — сплошь кораллы и золото, где чистое, а где и червонное. Вот взять, к примеру, лес летом — это же сплошной зелёный массив, а осенью оказывается, что он состоит из отдельных деревьев, потому что каждое выбрало для прощального бала свой неповторимый цвет платья, словно подчёркивая свою индивидуальность, и уж никак не спутаешь даже издали берёзу с тополем, осиной или дубом. А что вытворяет клён? Цвет листьев у него может быть насыщенным жёлтым или красным. Иногда выйдешь на поляну и ахнешь — на ней дерево, на ветках которого в огромном количестве повисли варёные раки, причем наряду с большими, которые «по пять рублей», есть и маленькие, которые «по три рубля». И только удостоверись, что это действительно так, налетает порыв ветра, и варёные раки превращаются в красных птиц, которые одновременно всей стаей срываются с веток, как будто бы испуганные близким выстрелом, взмывают высоко вверх, и вот они уже полетели в тёплые страны... Но нет, кончается порыв, и они приземляются с лёгким шорохом совсем недалеко от места взлёта. А покинутые ими ветки ещё долго переживают: «Как они там? Долетели до места наши кровиночки?..»

Цель — дойти до города за два часа оказалась недостижимой. Пройдя первый километр и сверясь с часами, он высчитал, что скорость его движения менее пяти километров в час. Нет, засветло не войти в город. «Где мои семнадцать лет?» — подумал он безнадежно и за дымкой годов, где толпились, заслоня друг друга, события его жизни, с трудом их обнаружил. Да, у него теперешнего походка была совершенно иная. В левой руке он тащил корзину, наполовину наполненную грибами, за плечами висел рюкзак, тоже не пустой, и, главное, у него на ногах были резиновые сапоги на размер больше его обычной обуви, и потому при каждом шаге раздавался шаркающий звук. «Эдак об асфальт можно стереть подошвы», — с сожалением подумал он. Болели натруженные пятки. Можно было в любой момент прекратить этот эксперимент. Можно было сесть на лавку на любой из остановок, мимо которых он проходил, и на некоторых из них сидели люди, но странное упрямство не позволяло ему это сделать. И он шёл дальше.

Когда он проходил отрезок дороги, где прямо рядом с шоссе лежало давно непаханое поле, то обратил внимание на то, что свободное от посевов пространство осваивает лес. И раньше всех деревьев пустые места заселяет берёза. «Наверно, семена у неё самые летучие, — подумал Анатолий Фёдо-

рович. — Подул ветер и унёс их далеко в чистое поле. Вот и получается что, вроде, выбегают берёзки из леса, как малышня из детского сада, нет, если по возрасту смотреть, скорее из школы — вид у них подростковый. Только зря платья у них такие короткие. Куда торопятся? Ещё и форм нет, а уже выставляют напоказ свои белые ноги. Вот найдётся какой-нибудь, который соблазнится и «заломает». «Наши девочки носили такие платья, что и колен-то не было видно, — последнюю фразу внутреннего монолога Анатолий Фёдорович произнёс жёстко, осуждая нравы сегодняшнего молодого поколения, и не заметил, как вернулся в «свои 17 лет». — Наши девочки приходили в школу в коричневых платьицах и чёрных фартучках. А были они, по сравнению с сегодняшними школьницами, значительно скромнее. И пацаны стали много агрессивнее, а девчонки их просто провоцируют своими бёдрами в колготках «Омса». Куда страна катится?»

Уже давно позади остался лес с выбежавшими на поле берёзками, а он всё не мог успокоиться и продолжал рассуждать о молодёжи, которой нельзя доверить страну, потому что никто не хочет служить в армии, а страна без армии, как черепаха без панциря, как ёжик без иголок. Любой хищник может запросто... Кстати, в это время он проходил мимо очередной автобусной остановки, а в ней на лавочке ожидал автобус представитель именно этой молодёжи, и который, естественно, не понравился Анатолию Фёдоровичу.

Парню на вид было лет двадцать пять. Он был в куртке, похожей на солдатский бушлат (а может быть, это в самом деле была память об армии), в заношенных джинсах, в кедах с подошвой под стать автомобильному протектору. На голове у него была надета чёрная вязаная шапочка. А лицо его было чернявое, не иначе, лицо кавказской национальности, ну пусть не кавказской, но следы татаро-монгольского нашествия явно прослеживались на нём. Последние исторические события на Северном Кавказе обусловили настороженное отношение Анатолия Фёдоровича к людям, обладавшим подобными особенностями. Рядом с парнем стояли штыковая лопата и пластиковый пакет, по логике, с картошкой. В общем, он был очень похож на бомжа, который вырыл чужой урожай. И хотя Анатолию Фёдоровичу хотелось уже есть, но он прошёл мимо.

Автобус всё-таки повстречался и лишил какого-либо смысла его упрямое движение вперёд пешком. Осталось только дойти до ближайшей остановки и ждать его обратной ходки.

Быстро темнело. Анатолий Фёдорович уже успел отдохнуть и с нетерпением смотрел в сторону, откуда должен был появиться сдвоенный «Икарус», но с удивлением обнаружил того самого парня. Он споро продвигался по шоссе. «Что же это, парень? Раньше сидел и ждал, а сейчас, когда ясно, что автобус вот-вот появится, решил идти? — недоумевал он. — Здесь что-то не так!» И, несмотря на недоверие к этому человеку, исходя из своего разыгравшегося любопытства, решил его остановить. Поэтому, когда парень с ним поравнялся, сказал:

– Ногами ещё далеко топтать, а транспорт скоро будет...

Тот остановился и, глядя на Анатолия Фёдоровича, ответил:

– Привычный я пешком ходить, в армии приучили, а на проезд у меня денег нет.

«Денег нет – это не проблема, можно и заплатить за тебя, если человек хороший, – подумал Анатолий Фёдорович, – да кто сейчас по деньгам ездит?»

Ответ парня был в пользу дальнейшего пешего передвижения, но после незначительных колебаний он сошёл на обочину и присел рядом на лавку.

На Анатолия Фёдоровича потянуло винным перегаром.

«Ну вот, – сделал он вывод, – на билет денег нет, а на водку находятся. И что вообще можно ждать от этой молодежи?» Но вслух сказал: – Небось на даче был?

Анатолий Фёдорович специально произнёс слово «дача» без определяющего её собственность прилагательного «чужая» или притяжательного местоимения «своя».

– Именно на ней, чёрт бы её побрал, – ответил парень.

– Что так жёстко? – спросил Анатолий Фёдорович, уловив отрицательное отношение собеседника к объекту разговора.

– Да не хотел я ею заниматься, но по весне был я безработный, так мать уговорила меня хотя бы воткнуть картошку в землю, вот теперь приходится после работы ездить и убирать урожай.

– Урожай-то хоть хороший?

– Одни слёзы. Лето нынче было дождливое, вся картошка замокла. Еле наковырял пакет.

Ситуация была понятна Анатолию Фёдоровичу. Он сам когда-то имел дачу, но, будучи человеком чисто городским, не имел значимых достижений на сельскохозяйственном поприще. Гробил только время и силы. Он даже несколько посочувствовал парню и рассказал о своих противоречивых отношениях с шестью сотками. Сказал, что сейчас он как бы взял в «аренду» три лесочка гектаров на десять общей площадью, которые регулярно дважды в неделю проверяет, и уже натаскал грибов не только себе, но и знакомым, и соседям.

Он вспомнил слова парня о том, что тот привычный ходить пешком, потому что в армии пришлось побегать... «Интересно, где он служил? – подумал Анатолий Фёдорович. – Наверняка в мотострелках или в войсках МВД. Высокого интеллекта в нём не чувствуется, а для автомата Калашникова этого и не нужно. И служил он где-нибудь на Северном Кавказе, – продолжал рассуждать Анатолий Фёдорович. – Лицо у него чернявое, на восточного человека похож, таких туда посылают с большой охотой. По внешнему виду вроде как свой среди местного населения». Чтобы удостовериться в правильности своих умозаключений, он спросил:

– Служил в армии где-нибудь на Юге?

– Да, в Дагестане.

Последние слова насторожили Анатолия Фёдоровича.

— Это ж в какое время? — решил он уточнить, про себя думая: «Неужто в эту заварушку, когда ваххабиты попёрли через границу?» И когда услышал, что собеседник служил четыре года назад, порадовался за парня — тогда, вроде, серьёзных действий там не было. А служба — она везде одинакова. И спрашивать парня об армии Анатолий Фёдорович не счёл нужным.

— А работаешь где? — продолжил он разговор. Парень оживился, будто была затронута интересная тема.

— О, я работаю на хорошем предприятии! — с воодушевлением ответил он.

«В городе не так много предприятий, заслуживающих такого эпитета», — подумал Анатолий Фёдорович и решил разгадать: — На «Кристалле», что ли?

— Нет.

— Тогда, быть может, на «Измерителе»?

— Нет. Но тоже на хорошем, мне там нравится. На ЖБИ!

«Что там хорошего?» — искренне удивился Анатолий Фёдорович и представил себе громадное серое помещение, несомненно, грязное, сплошь заляпанное кусками застывшего бетона, засыпанное песком и цементом. И он спросил собеседника:

— Чем же тебе нравится твоё предприятие?

— Деньги вовремя дают.

— И большие деньги?

— Нет, небольшие, но своевременные.

Это был неплохой довод в пользу хорошего отношения к своему предприятию.

— А сам говоришь, что за проезд на автобусе заплатить не можешь.

— Зато через два дня зарплата будет, тогда смогу.

«Надо бы мне его проезд оплатить», — великодушно подумал Анатолий Фёдорович. Он переживал за состояние общественного транспорта в городе, а бесплатный проезд любого человека считал элементарным воровством. Продолжая мысленно рассуждать, он сделал для себя выводы, что запросы у парня минимальные и специальности стоящей у него нет. О каком-либо образовании, кроме максимум десяти классов через «не хочу», думать не приходится. Вот она, сегодняшняя молодёжь... Он утвердился в своей правоте и потерял всякий интерес к собеседнику.

Затянувшееся молчание прервал парень, он будничным голосом сообщил, что отбывал срок в тюрьме.

«Этого ещё мне не хватало, — всполошился Анатолий Фёдорович, — сидеть ночью один на один с бывшим зеком. Но ведь зеки в наших тюрьмах не исправляются, а, наоборот, повышают свою квалификацию». Правда, была некоторая вероятность, что его посадили несправедливо, чем славилась наша судебная система со времён Вышинского, и, может быть, парень ничего, в смысле хороший человек, поэтому Анатолий Фёдорович с надеждой поинтересовался:

– А за что?

Ответ звучал коротко:

– Зажмурил одного куска.

Слова были жаргонные. О значении первого из них Анатолий Фёдорович догадался. «Зажмурил» – значит убил – мёртвых зовут жмуриками. А вот кого – было неясно.

– Кто такой кусок, – поинтересовался он.

– Кусок – это прапорщик.

«Э, да это же сверхсрочник», – мысленно перевёл слово Анатолий Фёдорович на язык того времени, когда сам служил в армии, – ещё тогда их называли “кусочниками”».

– За что же это ты так круто с ним обошелся? – уже вслух спросил он собеседника.

– Он нас продал чеченам.

«Они и раньше кое-что продавали, – продолжал вспоминать Анатолий Фёдорович. – Чем заведовали, то и продавали. Кто простыни, кто меховые куртки. А сейчас уже и людей продают?» – удивился он:

– Как продал? В рабство, что ли?

Телевидение как-то передавало, что в Чечне были случаи, когда некоторые командиры за деньги подстраивали ситуации, в результате которых боевики похищали наших солдат. Именно это имел в виду Анатолий Фёдорович, когда спонтанно задал свой вопрос.

– Нет. Он нас повёл на прочёсывание местности, прежде сообщив чеченам маршрут нашего движения и время. Те устроили засаду и застали нас врасплох. Мы были растянуты в редкую цепочку и пока сбежались, много пацанов они успели погубить, правда, из них ни один не ушёл. Я лично двоим пасть порвал.

– Как пасть порвал? – спросил Анатолий Фёдорович, поражённый представленной им картиной рукопашного, самого страшного боя. Во время его службы даже речи не было о рукопашной подготовке. Правда, он служил в ЗРВ, так сказать, технических войсках, поэтому, может быть, им не надо было это уметь?

А парень продолжал рассказывать:

– Одного заporол штык-ножом, а другой навалился на меня сверху и пытался кинжалом достать моё горло. Так я левой рукой удержал его правую, которая с ножом, а свою другую руку сумел высвободить и ткнул два пальца ему в глаза, а когда он от боли отёрнул свою голову вверх, вцепился в его кадык зубами да и не выпускал, пока он не затих...

Анатолий Фёдорович мысленно представил эту ситуацию:

Вот идёт редкая цепочка пацанов с автоматами. Впереди ровное пространство, только по правому флангу цепочки есть небольшие заросли кустарника, где и затаились ваххабиты.

Вот ваххабиты выскакивают из кустов и ввиду численного превосходства сминают наш правый фланг, но не так уж быстро, если пацаны с левого фланга успевают прибежать в эту свалку. Вот этот парень впарывает штык-нож в одного ваххабита, вот второй наваливается на него. Сердце выскакивает из груди. Нож возле его горла. Вот он втыкает два пальца в глаза противника, тот от боли отдёргивает голову вверх. Борода ваххабита тоже поднимается вверх и обнажает шею. Парень впивается в его горло, слышно, как хрустит раздавленный кадык...

После паузы парень добавил:

— Когда всё закончилось, из двадцати восьми пацанов осталось нас четверо.

Это было ужасно. Анатолий Фёдорович, как наяву, увидел этих молодых солдат-срочников, которые отнюдь не отличались ни силой, ни ростом... (этот вот, который сидит рядом с ним, худой и роста среднего, и плечи вовсе не кося сажень...). Да, наверно, и кормёжка у них не была обильной, потому что «кусок», заведующий продовольственным складом, наверняка часть продуктов спускал налево. Далее Анатолий Фёдорович представил почему-то, как лежат они, эти пацаны, в одном ряду, а напротив них в беспорядке валяются трупы бородатых, откормленных на иностранные деньги, натренированных в лагерях Хаттаба и Басаева, ваххабитов.

А парень продолжал рассказывать:

— Стоим мы, грязные, в своей и чужой крови, оборванные, а пятый, прапорщик, чистенький, никем не тронутый и не помятый, даже пистолет из кобуры не вынул. И во мне вскипела такая ярость, что я выпустил в него половину автоматного рожка.

Парень замолчал. Молчал и Анатолий Фёдорович, переваривая услышанную информацию. В его понимании предательство само по себе было явлением омерзительным, но совершённое за деньги, ради денег.. «Это неподдающееся логическому осмыслению действие... — так думал Анатолий Фёдорович. — Как этот «кусок» смог бы жить дальше, зная, что на его совести двадцать четыре жизни, измена присяге, данной своему народу, стране?.. Неужели настолько сместились понятия элементарной порядочности, профессиональной честности... Призванный защищать — предаёт, продаёт...»

— И что же было дальше? — прервал молчание Анатолий Фёдорович, хотя, исходя из своего жизненного опыта, заранее предвидел ответ.

— Следствие, суд, — нехотя ответил парень. — И решение суда — четырнадцать лет заключения за убийство командира.

— Но ведь наверняка твои три товарища, которые остались живы, свидетельствовали в твою пользу.

— Да. Но суд не принял во внимание их показания.

«Это реально, — решил Анатолий Фёдорович. — Справедливость и ныне редко посещает здания российских судов, потому что в ходе судебного процесса обычно торжествует не истина, а ложь, похожая на правду, и защищается не справедливость, а честь мундира, что вовсе не является тождествен-

ным. Для военного командования ситуация, когда рядовой убивает непосредственного командира, проще, чем продажа последним своих подчинённых... Менее позорная и меньше последствий для командования».

— Но ты раньше вышел?

— Да. В это дело мертвой хваткой вцепилась одна московская журналистка. Через год решение суда было пересмотрено, и меня освободили.

«Ты смотри-ка, — подумал Анатолий Фёдорович. — И от этих писак бывает польза». С недавнего времени Анатолий Фёдорович люто ненавидел журналистов всех мастей за то, что они, по его однозначному мнению, уничтожили нашу Армию в первую чеченскую кампанию. Это они громили её с тыла своими пацостными теле- и радиорепортажами, статьями в газетах и журналах.

Установилось молчание.

Анатолий Фёдорович ужаснулся той информации, которую он только что получил. Он даже ощутил некоторую вину за собой по поводу того, что этим пацанам, этой молодёжи достаётся страна, которая находится в плачевном состоянии. Ему лично удалось прожить жизнь спокойную. Во время Отечественной войны он был ещё маленьким и провёл все тяжёлые годы в эвакуации, на Урале, в безопасности. А потом была война, но — холодная, во время которой не стреляли, и ему как рядовому обывателю громадной страны с этой стороны ничего не угрожало. «Но что нужно этому парню? Для чего он рассказывает эту историю с тюрьмой?» — подумал Анатолий Фёдорович. В его достаточно долгой жизни это был первый случай, когда человек рассказывал о том, что надо бы скрывать.

— Вы считаете, что я неправильно поступил? — прозвучал в темноте голос парня.

Вопрос был неожиданным для Анатолия Фёдоровича. «Оказывается, парень переживает, — удивился и одновременно обрадовался он. — Значит, у парня хорошая душа, значит, не сломали её ни первоначальное следствие, которое вели далеко не джентльмены, ни годичный срок, который он отбыл не в окружении интеллигентов».

— Нет, я не считаю, — ответил Анатолий Фёдорович и был искренен в своих словах. Он действительно не считал. Чтобы считать, нужно было иметь фактический материал, который можно было бы посчитать. А потом, зачем это делать, если был суд, который оправдал парня. А суду было ой как трудно изменить своё первоначальное мнение. Значит, были веские доводы в пользу подсудимого. А ещё он подумал, что надо обязательно оплатить проезд парня в автобусе, и хлопнул себя по карману, в котором должна была находиться денежная мелочь. Он не ощутил привычного позвякивания и вспомнил, что израсходовал её на кружку пива, да и запамятовал. «Ну, хорошо же, у меня в кошельке лежит сотенная бумажка, можно из неё оплатить», — продолжал мысленно рассуждать он. Но, представив, как кондуктор даёт ему сдачу одной мелочью, понял, что не будет этого делать, а сам он, как льготник, который имел определённые заслуги перед страной, имеет право на бесплатный

проезд, поэтому нет причины менять сотню. А то как разменяешь, так она быстро израсходуется.

Наступило молчание, видимо, парень ждал объяснения — почему он не считает? Но Анатолий Фёдорович не стал распространяться на эту тему, потому что в его житейской логике было много спорных положений, в которых не хотелось разбираться. Он поставил себя в такую же ситуацию и вдруг понял, что скорее всего тоже расстрелял бы этого куска, потому что имел обострённое чувство справедливости и не имел выдержки.

«Интересно, что же это за журналистка, которая из-за этого парня приобрела много хлопот, если не сказать больше. Вытащить из тюрьмы человека невозможно, потому что это подрывает авторитет судебной системы», — подумал Анатолий Фёдорович, вспомнив, с каким трудом он признавал свою неправоту перед внуком.

— И где же сейчас эта журналистка? — спросил он.

— В Смоленске, — услышал он ответ парня и вовсе не удивился. «Значит, всё-таки выжили её из московской редакции за справедливый поступок», — подытожил он. Но, будучи не уверен, переспросил у парня: — Что, потеряла в Москве работу?

— Нет, — услышал он. — Вышла за меня замуж и переехала в наш город. Анатолий Фёдорович даже поперхнулся от неожиданного ответа.

— А где же она работает и как её фамилия? — поинтересовался он, надеясь, что читал статьи этой журналистки в местной прессе и сможет составить о ней какое-то представление: ведь, как ни крути, а она — личность.

— Она не работает. Она в послеродовом отпуске.

«Хорошо врёт, — с неохотой признал Анатолий Фёдорович, уж очень не хотелось ему менять хорошее мнение о парне, которое у него сложилось к этому моменту. — Это кто же поедет в областной город из столицы? — продолжил он мысленно рассуждать. — Если бы она, журналистка, вышла бы за него замуж, самый резон ему остаться в Москве, там и работа есть, не то что у нас, и возможности не чета нашим... По какой это такой причине она за него замуж вышла?» Не было веских доводов в пользу этого варианта. И понял он, что парень хорохорится, набивает себе цену, держит марку, может быть, раскаявшись, что посвятил чужого человека в свою тайну, что раскрыл перед чужим человеком свою душу. Хотя, перед кем раскрывать? Сейчас они расстанутся, и считай, что никому не рассказывал. «Правильно я сделал, что решил не оплачивать его проезд», — утвердился он в своём мнении.

Показался автобус. Он шёл на хорошей скорости, на которую был способен, громыхал и чадил. Видимо, водитель не рассчитывал, что на остановке есть пассажиры, и обнаружил их в последний момент, когда свет фар выхватил их из темноты, поэтому и проскочил остановку.

Парень первый добежал до автобуса, но не зашёл в него, а стал ждать, пока добежит Анатолий Фёдорович, и помог ему войти в разболтанный «Икарус».

Анатолий Фёдорович прошёл по автобусу до поворотной площадки. Там было посвободней, и он никого не стеснял своими рюкзаком и корзиной. Парень остался у задней двери автобуса.

Анатолий Фёдорович, когда к нему подошла женщина-кондуктор, показал свой документ на льготный проезд и поинтересовался — оплатил ли парень, с ним вошедший, свой проезд?

— Нет, не оплатил. Да он и утром ехал бесплатно. Нет денег у простого народа, потому и не платят. А что выпил «червивки» — так это ж нельзя смотреть трезвыми глазами на то, что творится в стране. Свихнуться можно.

Парень вышел на первой же остановке в расположении города. Вот вроде и всё.

Ан нет. Уже будучи дома, Анатолий Фёдорович стал анализировать это происшествие. Что здесь правда, а что здесь ложь?

Прежде всего, не подлежит сомнению,

что он служил на Кавказе,

что он ходил на прочёсывание местности,

что он «порвал пасть» двум ваххабитам,

что он выпустил полрожка из автомата по своему командиру-прапорщику,

что он год провёл в тюрьме,

что его отстояла журналистка из Москвы.

А что же было неправдой?

Неправдой было то,

что журналистка стала его женой,

что она переехала в Смоленск,

что она в послеродовом отпуске, значит, у него есть дитё...

Ну, посудите сами — жена вот-вот родит, а он, безработный, не хочет ехать на дачу, чтобы воткнуть в почву картошку, и только после уговоров матери делает это, хотя должен вот-вот появиться ребёнок... Что-то не клеивалось...

Но даже при таком раскладе положительного было больше, и Анатолий Фёдорович подумал, что доверить страну молодёжи можно и нужно. Да, они другие, но они защищают свою родину, причём уже и ценой собственной жизни, как те, двадцать четыре пацана, которые погибли в рукопашной схватке...

Да этого пацана нужно было представить к награде, а не отдавать под суд! Не так он должен жить! Государство не должно так относиться к своим защитникам!

И ещё, Анатолий Фёдорович вспомнил своё поведение и ужаснулся... Ну ладно, у государства руки не доходят до каждого своего хорошего человека, но ты (это говорил он себе), мерзко, мелко повёл ты себя, отстранившись от личного участия в судьбе этого парня. А что ты мог поделывать? А то ты мог поделывать: не думать — оплатить его проезд в автобусе или не оплачивать? менять сто рублей? или не менять? Нет, ты должен был в той ситуации отдать эти сто рублей парню, да ещё и просить его, чтобы он принял их от тебя и не обиделся...